

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

ОТРЫВОК
из будущей книги

ПРОВОДНИК В СТРАНУ ЧУДЕС

ТРИДЦАТИЛЕТНИЙ оксфордский преподаватель математики преподобный Чарльз Лютвиг Джоджсон сменил белый прогулочный костюм и канотье на приличное его духовному званию платье и записал в дотошный дневник: «С Даквортом и тремя девочками Лидделл поднялись по реке до Годстоу, выпили чаю на берегу и домой добрались только в четверть девятого, после чего привели девочек ко мне и показали коллекцию фотографий, а около девяти доставили их на квартиру декана».

Запись датирована 4 июля 1862 года.

Не в этот раз, а позже в дневнике прояснится еще одно обстоятельство: одна из девочек, Алиса, попросила: «Расскажите нам, пожалуйста, сказку». А Дакворт припомнит, как перед расставанием в тот вечер малышка сказала: «Хорошо бы вы записали для меня приключения Алисы, мистер Доджсон».

Этот эпизод давно бы затерялся в викторианском прошлом, не будь у высокого и застенчивого холостяка Доджсона, обожавшего детей, псевдонима «Льюис Кэрролл» и не выполни он просьбу маленькой Алисы Лидделл, написав «Алису в Стране Чудес».

На следующее утро, оживая лондонского поезда 9.02, он встретил на станции Алису со всем ее семейством. Ехали они, видимо, порознь, поскольку еще до Паддингтона у него были «записаны заголовки» для сказки, которая первоначально называлась «Приключения Алисы под землей».

Восемь месяцев спустя, в феврале 1863 года, он вернулся к старой записи в дневнике и на левом развороте приписал, что «сказка... которую я взялся записать для Алисы... завершена (в части текста), но над рисунками еще работать и работать».

Спустя же двадцать пять лет тот давний эпизод сам предстанет в сказочном ореоле:

«Чтобы с чего-то начать, я отправил героиню вниз по кроличьей норе, совершенно не зная, что будет дальше... В процессе письма я добавлял новые мысли, которые, казалось, сами собой возникали на высаженном ростке, и еще больше мыслей пришло годы спустя, когда я заново переписал сказку, готовя ее к публикации».

Много лет текло к тому золотому полудню...

В нашем веке благоговение, любопытство, скептицизм, педантизм и известная доля безумия ревностно служат культу Льюиса Кэрролла. И нет ничего удивительного в том, что некий кэрролловский детектив отправился на метеорологическую станцию, поднял старые сводки и выяснил, что в Оксфорде в тот полдень было «прохладно и влажно». Однако каноник (в будущем) Робинзон Дакворт вспоминал «прекрасный летний день». Тридцать с лишним лет спустя и Алиса свидетельствовала: «Приключения Алисы под землей» были почти целиком рассказаны в паль-

Сто пятьдесят лет назад, в 1832 году, родился классик английской литературы Льюис Кэрролл. Собственно говоря, в тот день появился на свет будущий преподаватель математики в Оксфорде Чарльз Лютвиг Джоджсон, а писатель Льюис Кэрролл «родился» позже, в 1865 году, когда вышла книга «Приключения Алисы в Стране Чудес». В 1871 году к ней присоединилась книга-сказка «Алиса в Зазеркалье». С тех пор книги об Алисе по праву входят в золотой фонд детской литературы, и не только детской.

Мы не удивляемся тому, что некоторые книги, написанные для взрослого читателя, со временем становятся любимым детским чтением, как «Робинзон Крузо» или «Путешествия Гулливера». А здесь обратный случай («наоборот» — это очень в духе Кэрролла): детские сказки стали «взрослой» книгой. К ним вновь и вновь обращаются филологи и философы, психологи и математики, логики и врачи. В общем-то, это не случайно: писатель сам был человеком науки и в книгах об Алисе выразил дух времени, богатого научными свершениями и предчувствием новых открытий. Однако не стоит чересчур увлекаться, не надо забывать, что это прежде всего сказки, волшебные сказки, где много чудес и загадок, с которыми находчиво справляется смекалистая девочка.

Льюис Кэрролл вкусил признание уже при жизни, хотя ревниво отделял репутацию писа-

теля от известности в академических и преподавательских кругах. Конечно, работы Доджсона в области математической логики и сейчас сохраняют интерес для узких специалистов, но весь остальной мир знает писателя Льюиса Кэрролла и его книги об Алисе. В Англии существует «Общество Льюиса Кэрролла», регулярно выходит журнал «Бармаглот».

Особая тема — «Кэрролл в России». В 1867 году он приезжал в Россию, а в 1879-м вышел впервые по-русски «Приключения Алисы в Стране Чудес». Это был вольный пересказ, переложение «на русские нравы», и называлась-то книга «Соня в царстве дива». В дальнейшем переводы станут строже, хотя во всей мировой литературе найдется немного книг, столь же трудных для перевода. Поэтому история «русской Алисы» есть одновременно история русской школы художественного перевода, вот уже столетие не складывающей оружия перед самой, может быть, «английской» из всех английских книг. Только за последние пятнадцать лет вышло несколько новых русских переводов «Алисы». Книга живет! Есть литературно-музыкальная композиция, выпущенная фирмой «Мелодия». Есть советский мультфильм — мы видели его в начале этого года. Не иссякает и поток посвященных Льюису Кэрроллу статей и монографий.

Мы предлагаем нашему читателю отрывки из книги английского литературоведа Д. Падд-ни «Льюис Кэрролл и его мир», готовящейся к выходу в издательстве «Радуга».

Чарльз был едва ли не единственным автором, редактором и иллюстратором семейных рукописных журналов. Из-под его пера выходили озорные, остроумные, грамотно сделанные рисунки, но, к счастью, он вовремя понял, что строгим профессиональным требованиям они не удовлетворяют. Рисунки, выполненные в Крофте, живее и интереснее его рисунков к первому варианту «Страны Чудес», не говоря уже о позднейших, удручающе посредственных. Но его одаренности хватило на то, чтобы задира, вдохновлять, наставлять, ободра-ть и бесить художников, которых ему повезло привлечь к сотрудничеству.

Первый из рукописных журналов, «Полезная и назидательная поэзия», появился в Крофте, когда Чарльзу было тринадцать лет. В стихотворении «Правила и наставления» встречаем две характерные домашние дразнилки.

Учить уроки не ленись
И заикаться разучись.

Бутерброд вкуснее пышки,
Повтори без передышки.

Чарльз страдал занятием, от которого до конца своих дней не освободился и не вылился и которое было совершенно незаметно, когда он беседовал со своими маленькими друзьями. Заикался и его братья, и сестры, правда, не все.

«Дети Севера» оставили не только письменные свидетельства своей обособленной жизни. В 1950 году пасторский дом в Крофте перестраивали, и под половниками бывшей детской во втором этаже был обнаружен замечательный тайник. Из более чем столетнего заточения на белый свет извлекли перочинный нож, роговой гребень, осколки фарфора, а главное — левый детский башмак, наперсток и маленькую белую перчатку с левой руки, нимало не пострадавшую от долгого невестребования. Был там и своего рода привет будущим поколениям от падких на такие вещи мастеровых людей девятнадцатого столетия: «Этот пол стлали мистер Мартин и мистер Саттон. 19 июня 1843 года». Потомкам предназначена и карандашная приписка рукою Чарльза:

Мы весь мир
Обойдем,
Гонясь за бизоном.

Собственно говоря, он это и сделал. В то время, как его уклончивая, холостяцкая, преподавательская, любящая головоломки и малышей натура сорок семь призрачных лет мирилась с унылой будничностью допотопного Крайст-Черч (колледж в Оксфордском университете. — Прим. переводчика), реальными для него оставались необъятный мир и волшебная «погоня за бизоном».

Вступление и перевод
с английского
В. ХАРИТОНОВА.

щий летний день, когда над лугами дрожало знойное море и мы сошли на берег неподалеку от Годстоу, чтобы переждать жару под копами сена».

Итак, главные участники поддержали миф о том летнем дне — о «золотом полудне», волею поэта ставшем отправной точкой рассказа. Что бы там ни писала метеорологическая станция, погоды после обеда следовало быть по меньшей мере обнадеживающей, чтобы заставить Кэрролла, развлекавшего своих гостей, перодеться и вывезти всю компанию на лоно природы.

Дакворт подтверждает импровизаторское происхождение сказки: «Я сидел в центре, он — ближе к носу... сказка рождалась буквально у меня под ухом, и Алиса Лидделл, ради которой это делалось, была у нас как бы рулевым». Позднее Кэрролл рассказывал ему, что «просидел целую ночь, записывая в большую тетрадь все глупости, какие запомнились».

Хороши глупости! Сказка гуляет по всему свету, переведена едва ли не на пятьдесят языков, по сей день завоевывает все новые виды искусства, и редкий политик не процитирует ее. Кэрролл сам сделал первые рисунки к ней, признал их негодными и стал подлинным мучителем профессиональных иллюстраторов. Он требовал предметного воплощения своих стихов и прозы. Он был обеими руками за инсценировку «Алисы». В нем не вызвало протеста появление пишущих машинок, автоматических ручек и фонографа. В нашем веке он скорее всего приветствовал

бы звуковую запись, трансляцию по радио и экранизацию своих произведений, хотя наверняка дал бы по рукам тем тринадцати сценаристам, которых Уолт Дисней усадил переписывать «Алису».

Часто отмечалось, что Льюиса Кэрролла цитировали (и переворачивали) почти столько же, сколько Шекспира, хотя у Шекспира было преимущество почти в три века.

И, безусловно, только Шекспиру уступает Кэрролл тьмой тьмущей сказанных по его поводу мудреных слов.

Но, разумеется, Алиса продолжает жить не благодаря техническим перевоплощениям и ученым истолкованиям. Требования разъяснить свою мысль порядочно досаждали Кэрроллу, и он отвечал на них, как полагается поэту. В 1880 году он писал: «Я получил ваше письмо... Вы спрашиваете: «Отчего вы не объясните «Снарка»? Отвечаю: «Оттого, что не могу. Как можно объяснить то, чего не понимаешь сам?»

В 1896 году он снова пишет: «В чем смысл «Снарка»? Боюсь, мне нужен был не смысл, а бессмыслица! Однако, как вы знаете, слова означают больше, нежели мы полагаем, пользуясь ими, и поэтому книга должна означать нечто большее, чем рассчитывал сказать автор. Поэтому какой бы смысл ни находили в книге, я его приветствую — в этом ее смысл».

ОН БЫЛ старшим ребенком в семье, у него было три брата и семь сестер.

С 1843 года по 1851-й, когда он до конца жизни оседает в Оксфорде, Чарльз вер-

ховодил одиноковными сорванцами, впитывая магию и поэзию детства. «Дети Севера», как называл он свою компанию, увлечены в домашнем журнале:

В приходе Крофтском
древний дом
Высится, как бастион,
Щедро солнце его золотит,
Ветерок навеивает сон.
Из всех закоулков дома
и сада
Дети Севера, шумное племя,
Спешат за ограду,
и по дороге
Чинно ступают бедовые
ноги —
Заглядень! Но это
на время.

В юношеском стихотворении «Брат и сестра», которое он написал в Крофте в возрасте тринадцати лет, Чарльз затронул мотивы, в полный голос зазвучавшие в «Стране Чудес»:

— Сестрица, отправляйся спать!
Пора головке отдых дать.—
Порядок надо соблюдать.—
Но у сестры характер
скверный.
— Давно не получал,
наверно?
Нашелся, тоже мне,
примерный! —
Бегу на кухню, как в бреду.
— Кухарка, дай
сковороду,
А то до завтра не уйду! —
Зачем? Ни дня
без новостей! —
Мне надо накормить
гостей
Рagu из маленьких костей.
— А где их взять?
Их нужно — сто!
— Распотрошу
сестрицу.— Что?!
— Давай скорее! —
Ни за что!!